

СТАТЬИ

ВЕЛИКАЯ ОКТЯБРЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ОТДЕЛЕНИЕ ЦЕРКВИ ОТ ГОСУДАРСТВА

М. М. Персиц

Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила вековые мечты трудящихся о ликвидации всех видов социального гнета: экономического, политического, духовного. Установив свою диктатуру, рабочий класс в союзе с трудящимся крестьянством, под руководством большевистской партии приступил к социалистическому переустройству общества. Советское государство, экспроприировав капиталистов, превратило фабрики, заводы, землю, железные дороги, банки в собственность всего народа.

В ходе социалистической революции рабочий класс России попутно осуществлял задачи буржуазно-демократической революции, в том числе общедемократическое требование свободы совести, которое впервые в истории было выполнено до конца. Советская власть отделила церковь от государства и школу от церкви и тем гарантировала свободу отправления религиозного культа и свободу атеистической пропаганды — идейной борьбы против антинаучной религиозной идеологии¹.

Было время, когда на заре капитализма передовые идеологи революционной буржуазии выступали как материалисты и атеисты. Они решительно боролись против идеологической опоры феодального строя — католической церкви. Разоблачая реакционную роль религии, французские материалисты XVIII в. считали, что борьба против религиозных предрассудков может иметь успех лишь в том случае, если государство «никогда не будет вмешиваться в споры попов и в религиозные воззрения граждан и будет карать всякого, кто нарушает покой граждан под предлогом их религиозных убеждений»². П. Гольбах выдвигал требование свободы совести, под которой он понимал не только свободу исповедовать любую религию, но также и свободу не исповедовать никакой религиозной веры, то есть быть атеистом, вести просветительную работу и подрывать влияние фанатизма. Взгляды французских материалистов-атеистов XVIII столетия при всей их исторической ограниченности явились вершиной, до которой только и смогло подняться буржуазное мировоззрение. Ф. Энгельс указывал, что в мировоззрении французских материалистов «место догмы, божественного права заняло человеческое право, место церкви — государство»³.

Придя к власти, буржуазия нигде не осмелилась осуществить на деле требования своих передовых идеологов в области религиозных отношений. Законодательство буржуазных государств выражает не идеи свободы совести, но в лучшем случае лишь идеи веротерпимости. Оказывая поддержку

¹ В данной статье автор рассматривает только одну сторону вопроса — отделение Советской властью церкви от государства. Отделение школы от церкви должно составлять предмет отдельного исследования.

² Поль Гольбах. Священная зараза. М. 1936, стр. 204.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI, ч. 1, стр. 296.

различным религиям, буржуазия превратила их в одно из орудий своего господства и с ожесточением преследует материалистическую науку, обрушивает жесточайшие репрессии на трудящихся, осмеливающихся критиковать религию и церковь. Ныне «свобода совести» в капиталистических странах представляет собой свободу распространять самые реакционные, человеконенавистнические, расистские идеи и всяческое мракобесие. Законодательство США и ряда других буржуазных стран карает за пропаганду научных теорий, подрывающих религиозные представления. Так, в штате Флорида в 1927 г. был принят специальный закон против «гипотезы, которая связывает человека кровным родством с какой бы то ни было формой жизни»⁴; согласно конституции штата Теннесси, «человек, который отрицает бога, или будущее состояние награды или наказания, не должен занимать никакой должности в гражданском отделе этого штата»⁵.

Буржуазия находит в религии верную опору своей власти. Поддержка буржуазией и ее государством религии и церкви объясняется не особой религиозностью буржуазии, а ее стремлением в числе других средств также и с помощью религии сохранить частную собственность и страхом перед растущим освободительным движением трудящихся, движением, возглавляемым пролетариатом.

Еще в условиях буржуазного строя трудящиеся начинают осознавать, что религия служит интересам эксплуататорских классов. Сознательный рабочий идет гораздо дальше индифферентного отношения к религии. Он, как писал В. И. Ленин, «отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет небо в распоряжение попов и буржуазных ханжей, завоевывая себе лучшую жизнь здесь на земле»⁶.

Крестьянство, обреченное капиталистическим строем на невежество и бескультурье, находится под более сильным влиянием религии. Но сама жизнь порождает и у него критическое отношение к церкви как к союзнику помещиков. Вместе с тем крестьяне выступают против экономического гнета церкви. Так, в период первой русской революции развернулась ожесточенная борьба крестьян за землю, в том числе и за раздел земельных угодий, принадлежавших церкви.

Выражая коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся, Коммунистическая партия разработала политику пролетариата в отношении религии и церкви, основанную на марксистском понимании социальных корней и сущности религии. Марксизм рассматривает религию как одну из форм общественного сознания, как фантастическое, превращенное отражение в сознании людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни. В эксплуататорском обществе, где ничтожное меньшинство господствует над подавляющим большинством общества, религиозные взгляды и соответствующие им учреждения — религиозные общества, церкви — представляют собой один из элементов надстройки. Религия служит одним из средств сохранения и укрепления эксплуататорского строя.

К. Маркс и Ф. Энгельс требовали объявления религии частным делом по отношению к государству. Подчеркивая заинтересованность пролетариата в отделении церкви от государства, в осуществлении подлинной свободы совести, К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что это создаст основу для свободной деятельности пролетариата, направленной на духовное раскрепощение всех трудящихся. Развивая мысль К. Маркса о том, что религия — опиум народа, В. И. Ленин писал: «Религия — род ду-

⁴ М. М. Шейнман. Церковь и государство в США. Сборник «Вопросы истории религии и атеизма» № 2, стр. 78.

⁵ Там же, стр. 77.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 66.

ховной сивухи, в которой рабы капитала топят свой человеческий образ, свои требования на сколько-нибудь достойную человека жизнь»⁷. В письме к А. М. Горькому Ленин раскрыл сущность религии как средства духовного порабощения трудящихся эксплуататорскими классами: «Идея бога всегда усыпляла и притупляла «социальные чувства», подменяя живое мертвечиной, будучи всегда идеей рабства (худшего, безысходного рабства). Никогда идея бога не «связывала личность с обществом», а всегда связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей»⁸.

Вопрос об отношении государства к религии нельзя отождествлять с вопросом об отношении партии рабочего класса к религии. Наука коренным образом противоположна религии. Ленин писал, что партия рабочего класса, твердо опирающаяся на научное, материалистическое мировоззрение, не может и не должна рассматривать религию как частное дело в отношении самой партии и ее членов. Ленин напоминал, что Энгельс считал необходимым в 1890-х годах заявить в опровержение оппортунистических взглядов, что «социал-демократия считает религию частным делом по отношению к государству, а отнюдь не по отношению к себе, не по отношению к марксизму, не по отношению к рабочей партии»⁹. Задача партии — вести идейную борьбу против всех видов религиозного суеверия путем продуманной и глубокой атеистической пропаганды, всецело подчиненной задачам классовой борьбы пролетариата.

Это марксистское положение об отношении партии рабочего класса к религии неоднократно извращалось оппортунистами всех мастей. Наиболее ярким примером такого извращения была Готская программа, составленная под прямым влиянием лассальянцев и явившаяся значительным шагом назад по сравнению с более ранними программными документами немецких социал-демократов. Если в Хемницкой программе (1866 г.) фигурировало требование отделения школы от церкви, церкви от государства и государства от церкви, а в Эйзенахской программе (1869 г.) была еще более четко подчеркнута необходимость отделения церкви от государства и отделения школы от церкви¹⁰, то проект Готской программы не содержал требования об отделении церкви от государства, а ограничивался лишь требованием свободы науки и свободы совести. В «Критике Готской программы» К. Маркс указывал: рабочая партия должна была «...выразить свое убеждение в том, что буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам религиозной свободы совести, а она, рабочая партия, наоборот, стремится освободить совесть от религиозного дурмана»¹¹.

В основу большевистской политики по отношению к религии и церкви положены указания Маркса и Энгельса по этому вопросу. Ставя своей ближайшей политической задачей низвержение царского самодержавия и замену его демократической республикой, партия в своей программе, принятой II съездом в 1903 г., указывала на то, что будущая конституция должна провозгласить отделение церкви от государства и школы от церкви, обеспечить неограниченную свободу совести, уничтожение сословий и полную равноправность всех граждан, независимо от пола, религии, расы и национальности¹². Определяя свою политику по отношению к религии, большевистская партия учитывала положение рели-

⁷ Там же.

⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 35, стр. 93.

⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 373.

¹⁰ См. Ф. Меринг. История германской социал-демократии. Т. 4, стр. 395, 398.

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах. Т. II. Госполитиздат. 1952, стр. 26.

¹² См. «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. 1. Госполитиздат. 1954, стр. 40—41.

гии и церкви в царской России. При царизме в России не существовало никакой свободы совести. Царские законы ограничивали в гражданских правах лиц по признаку их религиозных верований. Царское правительство преследовало сектантов, ссылая их в места, мало пригодные для жизни людей.

Православная церковь в царской России была государственной организацией и получала большие денежные суммы от государства. Она была одним из богатейших землевладельцев и капиталистов. Для того, чтобы представить себе размеры церковных богатств накануне Октябрьской социалистической революции, достаточно обратиться к протоколам так называемого поместного собора православной церкви, собравшегося в августе 1917 года. Из этих документов видно, что монастыри и архиерейские дома в России имели к началу революции 802 436 дес. земли; церкви — 1 409 529¹³. Синод ежегодно получал от своих земельных владений и строений доход в сумме 800 772 руб. золотом. Кроме земель, церковные учреждения располагали громадными капиталами. Синод имел 46 454 587 руб. (по данным 1917 г.); монастыри и архиерейские дома — 65 699 106 руб. (в процентных бумагах, по данным 1914 г.); церкви — 63 392 823 руб. (в процентных бумагах, по данным 1912 г.); причтовые капиталы составляли 54 872 155 руб. (по данным 1914 г.)¹⁴. Царизм проводил политику национального угнетения в отношении многочисленных национальностей России. В то же время он поощрял деятельность религиозных организаций среди этих национальностей, деятельность мулл, раввинов, пасторов, ксендзов и других, так как духовенство этих исповеданий, подобно духовенству государственной православной религии, верой и правдой служило помещикам и капиталистам и было врагом освободительной борьбы трудящихся. По царским законам, как православная церковь, так и другие исповедания должны были в одинаковой мере стоять на страже «священных прав и преимуществ» самодержца¹⁵.

В разгар революции 1905 г. В. И. Ленин написал статью «Социализм и религия», где глубоко обосновал программные требования партии в отношении религии и церкви. В. И. Ленин четко определил, как следует понимать требование объявить религию частным делом для государства (но не для партии социалистического пролетариата): «Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедывать какую угодно религию или не признавать никакой религии, т. е. быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист»¹⁶. Позднее, в мае 1909 г., В. И. Ленин в статье «Об отношении рабочей партии к религии» всесторонне обосновал и развил вопрос о политике партии в этой области.

В дореволюционной России различие вероисповеданий фиксировалось в метрических книгах и паспортах, которые имели особую графу о вероисповедной принадлежности граждан. В. И. Ленин указывал на недопустимость каких-либо различий между гражданами в их правах по признаку религиозного вероисповедания. Он писал, что необходимо, безусловно, уничтожить всякое упоминание в официальных документах о том или ином вероисповедании граждан. Ленин писал, что не должно быть никаких выдач государственных сумм церковным и религиозным обществам. Удовлетворение этих требований должно было покончить с зависимостью церкви от государства и крепостной зависимостью русских граждан от государственной церкви.

¹³ Эта цифра неточна: в действительности, как явствует из протокола № 2 отдела XVI поместного собора о церковном имуществе и хозяйстве от 4 сентября 1917 г., церкви имели около 2 млн. десятин.

¹⁴ См. Архив Главиздата, ф. Гаиза, № 75.

¹⁵ Свод законов Российской империи. Т. XI, ч. I. СПб. 1896, стр. 3.

¹⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 10, стр. 66.

Февральская буржуазно-демократическая революция не отделила церкви от государства. После свержения царского самодержавия в положении религии и ее организаций существенных изменений не произошло. Буржуазное Временное правительство сохранило господствующее положение православной церкви, не осуществило демократического требования свободы совести. Православная церковь попрежнему получала деньги от государства и оставалась крупным помещиком и капиталистом. Временное правительство отменило вероисповедные и национальные ограничения граждан. Однако оно не провозгласило свободы совести, а в постановлениях об отмене вероисповедных и национальных ограничений обошло полным молчанием вопрос о правовом положении лиц, не исповедующих никакой веры и являющихся атеистами¹⁷. Более того: Временное правительство преследовало проявления атеизма. Так, 17 июля 1917 г. оно разослало областным и городским комиссарам специальный циркуляр, воспрещающий демонстрацию кинофильмов, содержащих критику религии и церкви¹⁸.

В религиозных организациях разных исповеданий Временное правительство видело свою опору против революционного движения. Что же касается церкви, то она чуть ли не на следующий день после падения самодержавия выпустила «Обращение к народу», в котором ликвидация «старого режима» и «воцарение» Временного правительства изображались как проявление воли бога. Верующие призывались оказывать полную поддержку правительству помещиков и капиталистов. Во всех церквях, синагогах, мечетях вместо молитв «о здравии благочестивейшего и самодержавнейшего» стали «возносить» молитвы за Временное правительство.

Временное правительство не уничтожило феодальных привилегий церкви. Отказ Временного правительства удовлетворить требования крестьян о земле привел к бурному росту аграрного движения. Не дожидаясь разрешения правительства, крестьяне захватывали не только помещичьи, но и церковные и монастырские земли. В телеграмме от 24 июня 1917 г. богородскому уездному комиссару московский губернский комиссар требовал принять самые решительные меры по отношению к крестьянам деревни Горы, захватившим луга Гуслицкого монастыря. В телеграмме от 5 июля 1917 г. он также требовал самых решительных мер «к прекращению своевольного захвата церковной земли крестьянами деревни Игнатьево»¹⁹. Временное правительство посылало против крестьян, отбиравших земли у церкви, карательные экспедиции. Однако это не могло остановить осуществлявшуюся крестьянами секуляризацию церковных земель.

Факты захвата крестьянами церковных и монастырских угодий неправильно было бы рассматривать как проявление антирелигиозности крестьянства того времени. Они говорят лишь о том, что рутинная религиозность крестьян не могла служить препятствием к их стремлению отобрать у церкви земельные богатства, накопленные путем беззастенчивой эксплуатации трудящихся. Борьба, разгоревшаяся вокруг этого вопроса, открыла глаза многим крестьянам. Она воочию показала, что церковь продолжает настаивать на сохранении основы своих феодальных привилегий.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции дала возможность обеспечить широкие демократические свободы, в том числе свободу совести.

¹⁷ См. Собрание узаконений Временного правительства, март 1917 г., № 70, ст. 400.

¹⁸ Московский областной архив, фонд Московского губернского комиссара, д. 1.

¹⁹ См. Архив Главиздата, фонд Гаиза, № 73.

Отношение Советской власти к церкви было наиболее полно выражено в декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Этому декрету предшествовало принятие ряда других важных государственных актов. К их числу следует отнести: декрет о земле; декрет о расторжении брака; декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния; инструкцию об организации отделов записи браков и рождений; приказ комиссариата по военным делам о расформировании всех правлений духовного ведомства, действующих в армии; приказ народного комиссариата государственного призрения о прекращении выдачи средств на содержание церквей, часовен, священнослужителей и законоучителей и на совершение церковных обрядов.

Вопрос об издании декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» был поставлен в Совете народных комиссаров 11 декабря 1917 года. Тогда же была образована комиссия для составления текста декрета, в нее вошли А. В. Луначарский, П. А. Красиков, М. А. Рейснер и др. В подготовленный комиссией текст декрета В. И. Ленин внес большие принципиальные изменения и дополнения. Сравнение текста, составленного комиссией, с его окончательной, ленинской редакцией показывает, какое большое значение имела работа, продолженная В. И. Лениным над текстом декрета. Комиссия ограничивалась главным образом формальным фиксированием права граждан Советской республики на свободу совести, оставляя в стороне вопрос о гарантиях этого права. В. И. Ленин перенес центр тяжести декрета на вопрос о гарантиях этого права, что видно уже из изменения, которое было внесено Лениным в название декрета.

Согласно проекту комиссии, декрет должен был называться «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». В окончательном виде декрет получил название «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Исправляя название декрета, В. И. Ленин как бы подчеркнул, что пролетарское государство решительно порывает с буржуазным понятием свободы совести, при котором сохраняются многочисленные прямые и косвенные, открытые и скрытые связи церкви с буржуазным государством.

Первый пункт проекта декрета, представленного комиссией, гласил: «Религия есть частное дело каждого гражданина Российской Республики». Вместо этой формулировки В. И. Ленин вписал в декрет четкую формулировку: «Церковь отделяется от государства». Эта формулировка была выдвинута еще в программе РСДРП и разъяснена В. И. Лениным в статье «Социализм и религия». Вместе с тем текст этот восстанавливал соответствующее место декрета Парижской Коммуны²⁰. Именно отделением церкви от государства полностью обеспечивались как свобода исповедания любой религии, так и свобода не признавать никакой религии и вести антирелигиозную пропаганду.

Ту же цель обеспечения полной свободы совести преследовало написанное В. И. Лениным примечание к 3-му пункту декрета. Пункт этот

²⁰ Декрет Парижской Коммуны гласил:

«Принимая во внимание, что первый принцип французской республики есть свобода;

Принимая во внимание, что свобода совести есть важнейшая из свобод;

Принимая во внимание, что бюджет культов противоречит этому принципу, потому что он облагает граждан налогом против их собственного убеждения;

Принимая во внимание, что фактически духовенство было сообщником монархии в преступлениях против свободы, Коммуна постановляет:

Ст. 1 — Церковь отделяется от государства (разрядка наша. — М. П.).

Ст. 2 — Бюджет культов упраздняется.

Ст. 3 — Имущества, числящиеся неотчужденными, принадлежащие конгрегациям, движимые и недвижимые, объявляются национальной собственностью.

Ст. 4 — Немедленно производится расследование относительно этих имуществ с целью их учета и передачи в распоряжение нации» («Протоколы Парижской Коммуны». М. 1933, стр. 44—45).

гласит: «Каждый гражданин может исповедывать любую религию или не исповедывать никакой. Всякие праволишения, связанные с исповеданием какой бы то ни было веры или неисконфессии никакой веры, отменяются»²¹. Здесь почти точно воспроизведено соответствующее место статьи В. И. Ленина «Социализм и религия». В. И. Ленин вписал к этому пункту следующее примечание: «Из всех официальных актов всякое указание на религиозную принадлежность и непринадлежность граждан устраняется». Это примечание вошло в окончательный текст декрета²². Этим пунктом декрета впервые в истории было законодательно зафиксировано право не только исповедовать любую веру, но и не исповедовать никакой веры, вести научную, антирелигиозную пропаганду.

Важное практическое значение имела поправка, внесенная В. И. Лениным в 6-й пункт декрета. В проекте комиссии он был сформулирован так:

«Никто не может, ссылаясь на свои религиозные воззрения, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Изъятия из этого положения, либо замена одной гражданской обязанности другою, в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда».

При такой редакции любой саботажник, ссылаясь на свои религиозные убеждения, получал право добиваться перед судом «изъятия из этого положения», без замены одной гражданской обязанности другою. Внесенная В. И. Лениным поправка ликвидировала такую возможность. Во второй фразе 6-го пункта В. И. Ленин заменил слова «либо замена» словами «под условием», в результате чего весь пункт получил новый смысл. В ленинской редакции он гласит: «...Изъятия из этого положения под условием замены одной гражданской обязанности другою в каждом отдельном случае допускаются по решению народного суда».

Важное значение имело изменение, внесенное В. И. Лениным в заключительную часть 13-го пункта декрета. Комиссия предложила следующую редакцию этого пункта:

«Все имущества существующих в России церковных и религиозных обществ объявляются народным достоянием. Порядок учета, хранения и хозяйственного распоряжения зданиями или предметами, предназначенными специально для богослужебных целей, определяется постановлениями местной и центральной государственной власти». Сохранение такой редакции могло дать повод для нареканий со стороны духовенства и верующих. В. И. Ленин зачеркнул эту часть и написал:

«Здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ»²³.

Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» с ленинскими поправками был утвержден СНК и опубликован в газете «Известия ВЦИК» 21 января (3 февраля) 1918 года.

Осуществление декрета проходило в обстановке ожесточенной классовой борьбы. Руководители церковных организаций находились в лагере врагов Советской республики. Значительная часть духовенства действовала заодно с международным империализмом и внутренней контрреволюцией. Именно поэтому многие религиозные организации с нескрываемой враждебностью встретили декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Еще до опубликования декрета, 19 января 1918 г., заседавший в Москве поместный собор православной церкви в связи с проведением в жизнь декрета о земле издал послание за подписью патриарха Тихона, в котором предал церковному проклятию (анафеме)

²¹ СУ РСФСР, 1918 г., № 18, ст. 262.

²² Там же.

²³ См. «Ленинский сборник» XXI, стр. 108, 109.

Советскую власть и ее руководителей. Через четыре дня после опубликования декрета поместный собор объявил, что «всякое участие, как в издании сего враждебного церкви декрета, так и в попытках провести его в жизнь, несовместимо с принадлежностью к православной церкви и навлекает на виновных лиц православного исповедания тягчайшие церковные кары, вплоть до отлучения от церкви»²⁴. Постановление поместного собора послужило сигналом к широкому разворачиванию контрреволюционной, антисоветской деятельности реакционных представителей православной церкви, а также других церквей. Во второй половине 1918 г. католическое духовенство создало «Центральный комитет», который осуществлял руководство и контроль над деятельностью созданных тогда же «приходских комитетов» при костелах²⁵. Как показал впоследствии процесс католического архиепископа Цепляка в Петрограде, это была широкая и централизованная разветвленная организация, осуществлявшая систематическое сопротивление проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

«Единый фронт» реакционных групп духовенства всех религий в борьбе против декрета особенно ярко проявился в так называемом чрезвычайном собрании представителей различных церквей, происходившем в Петрограде в июне 1918 года. Выступавшее на этом собрании духовенство разных исповеданий высказалось против декрета и с особой резкостью нападало на провозглашенный им принцип отделения школы от церкви. Собрание приняло предложение петроградского раввина Айзенштата отправиться на фабрики и заводы и развернуть там среди рабочих агитацию против декрета.

Партийные и советские организации, разоблачая контрреволюционные действия реакционного духовенства, настойчиво и терпеливо разъясняли широким слоям трудящихся политику партии и Советской власти в отношении религии и значение принятого декрета. Этим вопросам были посвящены статьи, воззвания, устные выступления А. В. Луначарского, И. И. Степанова-Скворцова, Ем. Ярославского, П. А. Красикова и других деятелей партии и государства на митингах и рабочих собраниях.

В связи с призывом поместного собора организовать 28 января 1918 г. общесоветский крестный ход в знак протеста против мероприятий Советской власти по отделению церкви от государства газета «Известия» Московского Совета поместила воззвание «Ко всем гражданам», в котором говорилось: «Пусть всякий верующий, всякая община, всякий союз верующих — пусть они исповедуют какую хотят религию. Государство не может в это вмешиваться, предписывать ту или иную веру».

Организуя крестный ход, духовенство вставало вовсе не на защиту «храмов и свободы веры», ибо ни тому, ни другому ничего не угрожало: «оно восстало на защиту богатств, имений, земель, жалованья в 200 тыс. рублей митрополитам, в защиту миллионов, накопленных в монастырской казне, в защиту сытой, спокойной и бездельной жизни сотен тысяч праздных и богатых людей»²⁶.

20 февраля 1918 г. в «Известиях» Московского Совета была опубликована статья Ем. Ярославского «Преследует ли наша революция веру». В статье разоблачалась созданная реакционным духовенством провокационная легенда о «гонениях на веру». Ем. Ярославский писал: «Не религию, не веру преследует революция; она не может этого делать, потому что наше требование — полная свобода веры и полная свобода совести. Рабоче-крестьянская социалистическая революция борется лишь за то, чтобы церковь, религия, духовенство перестали быть орудием государ-

²⁴ ЦГАОР, ф. 3431, ед. хр. 354.

²⁵ Там же, ф. 353, оп. 2, д. 714, л. 223

²⁶ Ем. Ярославский. Против религии и церкви. Т. 3. М. 1935, стр. 6—7.

ственной власти, порабощения и эксплуатации неимущих, бедняков имущими классами, богачами, эксплуататорами».

Используя религиозные предрассудки трудящихся, реакционная часть церковников стремилась отвлечь их от активной борьбы за революционное переустройство общества. В апреле 1918 г. церковный собор принял постановление, призывавшее верующих не принимать участия в праздновании Первого мая. В этом постановлении указывалось, что первомайские празднества якобы оскорбляют религиозные чувства народа, так как они совпадают с днями страстной седмицы. Разоблачая провокационную попытку церкви сорвать празднование дня международной солидарности рабочих, Ем. Ярославский писал: «Когда помещики пороли на конюшнях крестьян, людей, «созданных по образу и подобию божью», когда продавали людей в рабство, попы возводили очеса к небесам, возносили молитвы за господ и говорили крестьянам: «терпите». И никто из них не сказал, что это — «тяжелое оскорбление, наносимое религиозному чувству православного народа»... А вот теперь, о демонстрации в день праздника трудящихся, они говорят как о «тяжелом оскорблении религиозного чувства»... За новый порядок жизни бьется народ, а вы — гасители его стремлений к освобождению, — писал Ем. Ярославский по адресу реакционной части духовенства, — вы, зовущие его во тьму, — вы не можете идти впереди живых. Пусть, кто хочет быть с тружениками, выйдут в этот день и присоединятся к нам»²⁷.

Для успешного проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» Советское правительство приняло ряд организационных мер. 9 апреля 1918 г. СНК поручил Народному комиссариату юстиции образовать комиссию для выработки в срочном порядке соответствующей инструкции, указав при этом, что в комиссию должны войти не только работники Комиссариата юстиции, но и представители заинтересованных ведомств, а также представители религиозных обществ²⁸. Из-за сопротивления духовенства такой комиссии создать не удалось. Тогда по решению СНК от 8 мая 1918 г. при Наркомюсте был сконструирован постоянно действующий отдел по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства». Этот отдел называли обычно по его порядковому номеру в наркомате — VIII отделом; возглавлял его П. А. Красиков. На первом совещании отдела, состоявшемся 10 мая под руководством управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича, были сформулированы основные задачи отдела и определены его функции.

Устанавливая тесную связь с местами, VIII отдел Народного комиссариата юстиции добивался правильного осуществления декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», понимая под свободой совести как свободу религиозного самоопределения, так и свободу отказа от всякой религии, проведения научно-атеистической пропаганды.

Запросы отдельных учреждений и частных лиц, поступавшие в VIII отдел, со всей очевидностью говорят о том, что традиции и предрассудки старого прочно держались в сознании и быту многих людей. С мест запрашивали, например, можно ли по собственному желанию перейти из одного вероисповедания в другое, можно ли без разрешения духовенства вступать в брак и разводиться, должен ли церковный брак предшествовать регистрации в отделах записи актов гражданского состояния. Отвечая на вопросы граждан, VIII отдел разъяснял, что с объявлением религии частным делом каждого гражданина государственной власти совершенно безразлично, к какому вероисповеданию принадлежит тот или иной гражданин Советской республики, что права граждан определяются не по вероисповедным признакам, а церковный брак и развод не имеют никакой юридической силы.

²⁷ Ем. Ярославский. Против религии и церкви. Т. 1. М. 1932, стр. 15—16.

²⁸ ЦГАОР, ф. 353, оп. 2, д. 688, л. 6.

VIII отдел, помимо ответов на многочисленные вопросы трудящихся, систематически публиковал разъяснения по вопросам о правах и обязанностях граждан Советской республики в связи с проведением декрета.

Большое место в работе VIII отдела занимал вопрос об отделении школы от церкви.

В ответ на письмо, присланное из деревни Поддубной (Московской губернии), VIII отдел указывал, что декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» не воспрещает желающим обучать детей «закону божью» на дому. Вместе с тем разъяснялось, почему преподавание религиозных вероучений запрещено в общеобразовательной школе. VIII отдел рекомендовал остерегаться навязывать детям «...устарелые сведения об устройстве мира как физического, так и общественного, ибо сведения эти не могут быть полезны им в их борьбе с природой и с эксплуататорами. Что касается нравственности, то надо помнить, — говорилось в ответе VIII отдела, — что не религия заставляет быть добрым гражданином и нравственным человеком трудящегося, а его борьба за устройство общественной жизни на основании правильно понятых им классовых интересов и правильно понятых законов природы»²⁹. VIII отдел сообщал также о том, что всюду, где помещикам-белогвардейцам удавалось снова захватить деревни и города, церковнослужители деятельно помогали уничтожать поименно известных им передовых крестьян и рабочих. «Опыт внутренних кулацких и черносотенных восстаний, — указывалось в ответе VIII отдела, — показал, что духовенство всех сортов, особенно высшее, открыто становится во главе темных сил, стремящихся снова поработить крестьян, отобрать у них землю».

В целях всестороннего разъяснения декрета VIII отдел Наркомюста посылал на места лекторов и издавал специальную литературу. С 1919 г. под редакцией VIII отдела начал выходить журнал «Революция и церковь», в котором систематически печатались официальные материалы о политике Советского государства в вопросах религии, а также статьи на антирелигиозные темы.

Разработанная VIII отделом Наркомюста инструкция о порядке проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» во многом способствовала улучшению деятельности советских органов в этой области³⁰.

После обнародования декрета во многих деревнях, селах и городах происходили многочисленные собрания, посвященные его обсуждению. Резолюции этих собраний показывают, что под влиянием собственного опыта и большой разъяснительной работы, проделанной партийными и советскими органами, широкие слои трудящихся все более активно поддерживали мероприятия Советской власти в отношении церкви.

Пленарное собрание Совета рабочих депутатов Дорогомиловского района Москвы, заслушав доклад об отделении церкви от государства, вынесло резолюцию, в которой резко обличало церковь, поглощавшую колоссальные суммы народных денег и вместе с тем служившую орудием классового угнетения. Собравшиеся с негодованием писали о духовенстве, которое «с именем Христа на устах» осуждало на смертную казнь социалистов, боровшихся против самодержавия. «Ввиду этого, — гласит резолюция, — Дорогомиловский совет приветствует отделение церкви от государства»³¹.

В принятой на собрании прихожан в селе Халдинском резолюции верующие приветствовали рабоче-крестьянскую власть за отделение церкви от государства. Они решительно протестовали против контрреволюционной агитации служителей культа, пытавшихся убедить верующих, что

²⁹ Там же, д. 690, л. 29.

³⁰ См. «Известия» ЦИК РСФСР, 30 августа 1918 года.

³¹ «Социал-демократ», 22 (9) февраля 1918 года.

декрет об отделении церкви от государства является угнетением веры, оскорблением святых, насилием над церковью. «Мы теперь поняли,— говорится в этой резолюции,— что наши митрополиты получают сотни тысяч народных денег, и, нося бриллиантовые шапки, имея штат прислуги, разъезжая в каретах, живя в роскоши, сами блаженствовали в земном царстве, а нам, угнетенным труженикам, обещали царствие небесное». Резолюция заканчивалась заявлением прихожан о том, что «...в церкви недопустима провокационная агитация служителей культа против рабоче-крестьянской власти». В этой же резолюции выражалась просьба, чтобы данное постановление было напечатано «во всех центральных газетах», а «различные религиозные группы,— говорилось в резолюции,— просим не искажать декрета об отделении церкви от государства, а лучше в нем разобраться»³².

Не менее яркой является резолюция общего собрания сельских советов Макарьевской волости, Весьегонского уезда, Тверской губернии. В ней трудящиеся крестьяне писали: «...наравне с уничтожением рабства экономического мы должны освободиться и от рабства духовного. Приветствуем декрет Совнаркома, дающий свободу совести, и смело заявляем, что время веры в попа, бога и чорта прошло; настало время веры в себя и свои силы, которые нужны для борьбы с врагами»³³.

В сентябре—октябре 1918 г. VIII отдел Народного комиссариата юстиции провел обследование хода и результатов проведения в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В местные Советы были разсланы анкеты. Эти анкеты охватили лишь часть населения, но изучение их дает все же представление об отношении трудящихся к декрету. Девять из двадцати семи хранящихся в архиве анкет на вопрос, «каково в общем отношение городской и деревенской бедноты к декрету об отделении церкви от государства», дают ответы, свидетельствующие о положительном отношении трудящихся к декрету. Что касается ответов в остальных 18 анкетах, то они показывают, что в некоторых местах под влиянием агитации кулаков и реакционного духовенства имели место и колебания. Исполком Павловского совета Нижегородской губернии сообщал: «Отношение населения к декрету об отделении церкви от государства удовлетворительное. Были случаи агитации со стороны кулацких элементов и духовенства, но благодаря личным поездкам представителей отдела и беседам с населением все неправильности в понимании декрета и лживые слухи рассеивались»³⁴.

Отчеты местных Советов и докладные записки командированных на места сотрудников VIII отдела Наркомюста показывают, что там, где была хорошо поставлена разъяснительная работа советских и партийных органов, трудящиеся города и деревни положительно относились к проведению декрета в жизнь. Так, в отчете Тихвинского уездного исполкома от 1 января 1919 г. рассказывается о том, что первоначально население уезда с недоверием отнеслось к декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». В некоторых местах верующие отказывались составить описи церковного имущества³⁵. Однако население «после подробного разъяснения (представителями исполкома.— М. П.) сущности декрета успокаивалось и охотно давало обещание выполнить все, что касается этого декрета»³⁶.

Патриарх и церковный собор в ответ на декрет Советской власти об отделении церкви от государства и школы от церкви предложили организовать союзы, якобы для «защиты» церквей и монастырей. В некоторых местах духовенству удалось создать такие союзы. Они состояли преимущ-

³² «Революция и церковь». 1919, № 2, стр. 34.

³³ Там же.

³⁴ ЦГАОР, ф. 353, оп. 2, ед. хр. 691, л. 69.

³⁵ Там же, д. 692, л. 6.

³⁶ Там же.

шественно из кулаков и наиболее отсталых элементов середняков и бедноты.

Однако даже более отсталые слои трудящихся под влиянием революционных событий все более убеждались в том, что этот декрет, как и все декреты Советской власти, соответствует интересам народа. В этом отношении показательны события, развернувшиеся в Лодейном Поле в декабре 1918 г. в связи с проведением описи церковного имущества Александров-Свирского монастыря. После издания декрета об отделении церкви от государства монахи организовали там «союз защиты Александров-Свирского монастыря», который всемерно противодействовал осуществлению декрета. 30 октября 1918 г. собрание горожан, а также представителей комитетов деревенской бедноты Лодейнопольского и других уездов Олонецкой губернии приняло резолюцию, в которой заклеило позором контрреволюционную деятельность реакционного духовенства. Резолюция заканчивалась словами: «Да погибнут темные силы, оскверняющие умы пролетариата! Да здравствует наука и просвещение на пользу светлого будущего человечества!»³⁷.

Поддержка декрета большинством населения оказала влияние на низшее духовенство, часть его перешла на позиции лояльного отношения к декрету. Так, например, духовенство Карачева (Орловская губ.) приняло обращение к населению города, в котором деятельность церковных иерархов против декрета характеризовалась как злонамеренная и имеющая контрреволюционные цели. Авторы обращения справедливо рассматривали слухи о гонениях на религию как проявление злостной клеветы. Они заканчивали свое обращение следующими словами: «Мы, карачевское духовенство, заявляем всем гражданам: никаких оскорблений и гонений на религию коммунисты не делают»³⁸.

С проведением в жизнь декрета об отделении церкви от государства были полностью уничтожены феодальные и всякие иные привилегии церкви, осуществлена подлинная свобода совести.

Программа партии, принятая в марте 1919 г. VIII съездом, уже исходила из факта отделения церкви от государства и ставила перед всеми членами партии задачу проведения систематической работы, содействующей освобождению сознания трудящихся от религиозных предрассудков.

В результате победы социалистического строя и ликвидации эксплуататорских классов в СССР подорваны социальные корни религии, уничтожена база, на которую опиралась церковь. Большинство служителей церкви занимает теперь лояльные позиции по отношению к Советской власти.

Победа социализма в нашей стране привела к изменению духовного облика советских людей. Большие перемены произошли и в отношении широких масс трудящихся к религии. Сознательность советских людей неизмеримо выросла. В советском обществе господствует социалистическая идеология, построенная на гранитном фундаменте научного материалистического мировоззрения. Это привело к тому, что большинство населения СССР давно уже освободилось от религиозных пережитков. Однако и теперь еще имеются граждане, которые находятся под влиянием разного рода религиозных верований. Идеологическая борьба против антинаучного религиозного мировоззрения является составной частью коммунистического воспитания трудящихся.

³⁷ Там же, лл. 16—17.

³⁸ «Революция и церковь». 1919. № 2, стр. 38.